

Под завесой тайны

автор: Рино Кроу

Рино Кроу

Под завесой тайны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68836854

SelfPub; 2023

Аннотация

Наша жизнь полна разных неожиданностей и необъяснимых случаев. И все эти случаи всегда прикрывает завеса тайны и мистики. Рассказы из этой книги представляют вам некоторые такие случаи.

Рино Кроу

Под завесой тайны

Исповедь

Силы великие, как мне осточертел этот грохот! Это называется – ремонт? Да за это время уже новый дом можно построить. Скажете: не можешь изменить ситуацию, измени отношение к ней? Не получается. Меня вообще бесят люди. Не все и не всегда. Но многие. И часто. Скажете: настроение плохое, встал не с той ноги? Да я и не вставал еще. Только проснулся.

Открываю глаза и тут же зажмуриваюсь от нестерпимо бьющего по чувствительной сетчатке солнечного света. Солнце... Оно тоже раздражает меня. Хотя я люблю смотреть, как оно блестит на снежном покрове, как освещает верхушки деревьев или пробивается среди густой листвы леса... И его тепло мне нужно. Иначе я мерзну весьма и весьма сильно. В отличие от других.

Честно говоря, я существо странное. Не такое, как все. Я уже не говорю о том, что отличаюсь от многомиллионного скопища, населяющего эту несчастную планету. Но я выделяюсь и из числа весьма немногих НЕТАКИХ... Нас не так много, как я уже сказал; о нас знают... точнее – думают, что знают. Что-то сочиняют, придумывают... И считают ЭТО – знанием правды. Смешно, право слово. Я не стану ничего

говорить. Зайдите в любой книжный магазин... Вам этого будет достаточно.

Но я отвлекся. Я не такой даже, как те, к кому принадлежу. Не знаю – за что судьба подшутила надо мной, лишив возможности жить полноценной жизнью. Что? Нет, я не жалуясь; просто констатация факта. Я вообще, как говорят, «человек в футляре». Не умею расслабляться нигде и никогда. Даже на праздниках и в самой близкой компании. Это тоже часть моего характера. Или – часть «кары»?

Ну вот, стук в дверь. Интересуется, не заболел ли я. Смешно. И снова раздражение – не люблю, когда дергают... Но вставать и правда нужно. Поднимаюсь, и мой день начинается. Пусть даже на часах далеко за полночь.

Знаете, я дико устал. От монотонного однообразия тянущихся, словно только что расплавленный сыр дней. От тупой и тяжелой неизменности. Я знаю все, что вы скажете: «Возьми себя в руки и измени свою судьбу», «Все в твоих руках», «Если ничего не меняется, значит – ты сам не хочешь и не стараешься». Так ведь, верно? Угадал? Нет, просто слышал это десятки раз. Но дело в том, что я не властен над своей судьбой. Я не раз пытался изменить хоть что-то. И неизменно возвращался на «начальную точку отсчета». Так что поберегите подобные советы для кого-нибудь другого.

За столом я о чем-то говорю, что-то отвечаю, ем... Однако все это отмечается лишь краем сознания. Сходить в магазин? Да, конечно... хоть какое-то разнообразие. На улице

почти не разговариваем. Не потому, что холодно. Просто – не о чем. У нас нет точек соприкосновения, несмотря ни на что. А слушать постоянные жалобы – бесит. Кстати сказать – во время очередного приступа Безумия представил себе... Чуть не стошнило: кровь густая, холодная и вязкая. Да, ко всем «заскокам» в придачу есть у меня и такая особенность – чувствовать консистенцию и вкус крови, не...

По возвращению из магазина снова запираюсь в своей комнате. Новая волна раздражительной усталости. Устал постоянно носить маски. А быть тем, кем являюсь на самом деле и в душе... Конечно, я мало повидал в жизни. Но, все же, знакомиться с «желтым домиком с белыми мягкими стенами» меня не тянет. Тем более – стены там вовсе не мягкие, а вот шприцы весьма острые. А я крайне негативно отношусь к причиняемой мне боли. Так что – маска... тем более, уже «прикипела». Не удивительно – за столько-то лет.

Скользю взглядом по полкам с любимыми книгами, дисками с музыкой и фильмами. Охота выть. Странное состояние. Не хочется ничего, совершенно ничего; все это надоело. Хочется чего-то совершенно нового и неизведанного. Одновременно хочется свернуться клубком, забившись куда-то в темный угол – только чтоб не трогали; и в то же время активно действовать. Как? Не знаю.

Я знаю, что морально ослеп. Потому что даже писать получается с трудом: не могу найти тем и слов. Говорят – настоящий творец находит это даже в окружающих его мело-

чах. Но я ничего этого не вижу. Я слеп и голоден морально. Хотя могут возразить, что такие, как я, вообще не могут испытывать эмоции. Глупость. Те, кто еще не стар и кому еще не приелась жизнь, кто еще не успел познать все на свете – могут. Я тоже не познал. И не смогу этого. Поэтому остается только завидовать тем, кто может. Может чувствовать и передавать свои чувства другим. Я же – пуст.

Эмоции других могут влиять на мое физическое состояние – отбирая или даря энергию; но не могут наделить меня глубокими чувствами. Люди называют это энергетическим вампиризмом. Не совсем верно. Ведь вампир, отбирая кровь и жизнь, дарит либо легкую и приятную смерть, либо НЕжизнь. Если же эмоции других отбирают у меня энергию, то взамен не дают ничего. Я не говорю о том, когда я отдаю энергию добровольно, чтобы помочь. Потому что тогда – если удается помочь, я испытываю моральное удовлетворение. Смешно? Чтобы такой, как я и мог дарить что-то с радостью? Не верите? Ваше право. Переубедить не стану. Запутано? То говорил, что не испытываю эмоций, а то – моральное удовлетворение... Да, верно, запутано. Хотя я говорил о невозможности испытывать глубокие и высокие чувства. Поэтому все остальное объяснять не буду.

Стою на балконе, глядя на то, как медленно уходит за крыши домов солнце. Я не люблю день. Он слишком суетен, даже если в его течении и происходят приятные для меня события. И мне импонирует ночь с ее темнотой и спокойной

мягкостью; даже если ночь выдается шумной и хлопотной. Сейчас на душе странное ощущение. Словно там находится пробивающийся скорлупу яйца дракончик... Он должен вылупиться, расправить крылья и взлететь... Но я знаю – у моего дракона нет ни крыльев для полета, ни голоса, чтобы петь. Потому что я слеп морально. Потому что я могу чувствовать и видеть красоту зрительно, но не душой... И не могу объяснить ее. И рассказать о ней так, чтобы кто-то увидел ее, словно бы своими глазами.

Небо начинает темнеть, и я замечаю яркую звезду неподалеку от нарождающегося месяца. В сознании начинает ворочаться зверь нетерпения. Но я знаю, что еще рано. Очень рано. Я ощущаю себя запертым в клетке только что пойманным хищником. Впрочем, это всегдашнее ощущение. Иногда оно вырывается стихами, чаще... гораздо чаще – просто выводит из равновесия до беззвучного воя. Я просто стою на балконе, тупо глядя в небо.

После ужина... (зачем он мне?) еще пара часов мучительного ожидания. Расстилаю постель, чтобы не возиться с ней под утро. Потом беру в руки уже начатую книгу, чтобы хоть как-то скоротать время – смотреть телевизор не хочется.

Интересная вещь, надо сказать. Красиво до замирания дыхания, до щемящей сердце боли от того, что сам не в силах этого описать и увидеть своими глазами такую красоту, до слез восхищения... И страшно. До сдавливающего горло воя, до тяжелого бессильного отчаяния: За что? Почему? Потому

что осмелился противостоять? Но, как же тогда слова о том, что все происходящее делается по Замыслу и невозможно идти против? За несоответствующую «правилам» не несущую функциональной пользы красоту? За то, что учил творить, слушая себя, а не господина? За то, что творил не послушное орудие, не рабов, а учеников – свободных и умеющих делать выбор? И за что их – только лишь учащихся и защищающих то, что создали сами? Но почему НАСТОЛЬКО жестоко, если называли себя Светом? И возникает вопрос: А так ли все было на самом деле? Так ли был невиновен и несправедливо обвинен? Так ли у Него все было правильно, а они были «слепы»? Вопросов море. Ответ один: неизвестно. Не было третьей – нейтральной стороны, способной оценить и описать все абсолютно беспристрастно. И выбирать – во что и кому верить – читатель должен сам.

Я стираю невольные набежавшие слезы. Да, знаю – бываю порой излишне... Сентиментален? Не знаю. В голову приходит мысль: странно. Все же отрицательные и негативные эмоции у меня ощущаются несколько сильнее и, если можно так выразиться, крепче, чем положительные. Почему? Вот на это у меня ответа нет. И не время их искать. В квартире уже все затихло и погрузилось в сон.

Чувствую, как в груди поднимается волна радости и азарта. Увы, такое редкое чувство. Я готов. Одеваюсь и неслышно выхожу из квартиры. Холодно. Но это ненадолго. Совсем скоро все изменится. Меня охватывает пьянящее чувство

свободы. Я вышел на охоту. Единственный в мире смертный вампир. Вампир, живущий жизнью обыкновенного человека. Не наделенный силой магии и обделенный силой человека. Внешне похожий на недоразвитого подростка, хотя мне уже далеко за четверть века. Пьющий кровь лишь для поддержания в теле хоть капли жизненной силы. Вампир с запертым в клетке сознания зверем безумия.

Конец

Звонок

Долгий телефонный звонок вырвал Алешку Терентьева из дремоты, в которую он успел погрузиться. Алешка поглядел на часы и раздраженно сплюнул – половина первого ночи; завтра, то есть, уже сегодня ему идти на экзамен, а он не выспится. Звонок был долгий. Междугородний. Может это отец из командировки? Но он знал об экзамене и не стал бы дергать сына посреди ночи. Тогда кто же это? Все эти мысли промелькнули в голове парня за какую-то секунду, пока он вскочил с постели и подошел к аппарату, чтобы звонок не «перескочил» на параллельный телефон и не разбудил спавшую в другой комнате мать.

Алешка снял трубку: – Слушаю!

Сначала в трубке послышался какой-то шорох, а затем.... Далекый, слегка приглушенный, но четкий голос – ясный голос ребенка, мальчишки лет, наверное, десяти, начал говорить.... Первое стихотворение Алешка потом так и не мог

вспомнить – что-то из Пушкина или Лермонтова; но следующее.... Слушая следующее стихотворение, Алешка ощутил, как по спине будто провели ледяной рукой. Это было его собственное стихотворение. Алешка Терентьев никогда и никому не рассказывал, что пишет стихи. Даже родители не знали об этом. Даже.... Даже Лена. Он никогда не показывал девочке посвященные ей стихи, хотя был влюблен в нее уже целых пять лет, – они познакомились в четвертом классе. Так откуда же узнал о стихах этот таинственный неизвестный мальчишка?!

Алешке стало страшно. Почему? Он не знал, не мог объяснить. Голос в трубке смолк. Алешка уже не мог сдержаться: –Ты кто? Кто ты? – крикнул в трубку. Ответа не было. Только ледяная, какая-то липкая тишина, казалось, просачивалась из трубки телефонного аппарата и затягивала, словно паутина.

Послышались шлепающие шаги – мама. Значит, звонок все-таки разбудил ее; или Лешкин крик. Она вошла в халате, зевая, потирая заспанные глаза. – Это папа звонил, сынок?

Алешка отрицательно мотнул головой; говорить он не мог – отчего-то перехватило в горле.

– А кто?

– Не знаю, – голос у парня был хриплый и сдавленный. Мать с удивлением посмотрела на него.

На кухне заработал холодильник. Нервы у Алешки были на пределе. Этого невинного звука было достаточно, чтобы

он закричал от необъяснимого давящего страха. Алешка закричал.... И.... Проснулся.

Сев на кровати, он несколько минут не мог очнуться от охватившего его во сне чувства страха. Лицо было мокрое от пота, дыхание с трудом вырывалось из легких. Наконец, придя в себя, Алешка вздохнул и покачал головой: «Ничего себе, кошмарчик!» Алешка потихоньку прокрался в ванную. Пустил холодную воду, ополоснул разгоряченное лицо и сделал несколько глотков прямо из-под крана. Затем вернулся в комнату и лег в постель.

Резко, требовательно и по-междугороднему длинно зазвонил телефон.

Конец

Зимний сон

Было уже часов восемь темного зимнего вечера. В комнате родителей громко тикали часы. Из проигрывателя раздавался тихий голос. Сестры Скотта, свернулись калачиком на диване и, затаив дыхание, слушали новую сказку; – пластинку им накануне принес папа. Сейчас кроме Лайзы и ее младшей сестренки Альбертины в квартире никого не было. Родители ушли на вечер в гости. Сидеть вот так – совершенно одним, в полной темноте, и слушать сказку было вдвойне страшней и втройне интересней.

– И вот, – говорил тихий зловещий голос, – когда в деревне все улеглись спать, в темном ночном небе появилось еще

более темное пятно. Оно медленно поднималось все выше, пока не достигло диска луны. То была ведьма. Разозлившись на жителей деревни, она решила украсть луну и все-все звезды, чтобы их свет не помешал ей творить черные дела...

А что будет дальше, вы узнаете, перевернув пластинку.

Какое-то время бы слышен легкий шорох, а затем раздался щелчок: это закончила крутиться пластинка.

Негромкий резкий звук подействовал на сестер как выстрел стартового пистолета. Они, не сговариваясь, вместе подбежали к окну. На улице было довольно темно. Кое-где лениво горели фонари вдоль дороги и редкие огоньки освещенных окон. Немногочисленные прохожие неторопливо брели каждый по своим делам.

– И куда это запропастились мама с папой? – недовольно пробормотала себе под нос старшая из сестер – десятилетняя Лайза. Она ничего не сказала сестренке, не желая пугать малышку, но сама была уже сильно обеспокоена. Ведь родители обещали вернуться к половине девятого. А сейчас... Часы пробили девять.

– Ой, Лайза, смотри! – вывел девочку из мрачной задумчивости голосок сестры.

– Что, Берти?

– Смотри, Лайза, там что? – отозвалась Альбертина.

– Что? Где? – Лайза посмотрела в окно.

– Да нет, не там, а во-о-он там, – досадуя на непонятливость сестры, Берти ткнула пальчиком в холодное стекло. И

в самом деле, представшее их взорам зрелище было весьма любопытным.

В самом дальнем конце детской площадки под старым деревом стояла странная фигура. В длинном не то плаще, не то каком-то балахоне, в каком-то нелепом остроконечном колпаке. Освещение в том углу площадки не было, и девочки с трудом различали происходящее. В руках непонятное существо (даже неясно было видно: мужчина это или женщина) держало нечто, своими очертаниями похожее на палку или метлу.

В следующий момент пролетевшее мимо облако закрыло собой небо. Но даже в слабом свете фонарей сестры Скотта увидели, как необычный человек крепко ухватился за свою палку, подпрыгнул и взвился в вечернее зимнее небо. Немного покружившись над площадкой, словно чего-то выжидая или выискивая, темная фигура (и почему ее не заметил никто, кроме двух девочек, глядящих на улицу из окна четвертого этажа?) метнулась резко вверх.

Еще мгновение, и луна, только что вышедшая из-за облаков, пропала, словно кто-то с силой сдернул ее с неба. Вскоре эта участь постигла и множество светящихся по всему небу звездных точек.

Лайза и Берти, замерев от ужаса, наблюдали за происходящим. Буквально несколько минут назад они слушали сказку о похитившей луну злой колдунье. И вот теперь видят эту картину собственными глазами, наяву....

Наконец Берти не вытерпела. – Лайза, я боюсь! – тихонько проговорила она дрожащим голосом. И тут случилось самое страшное.

Ведьма (если это и правда была та самая ведьма из сказки), казалось, услышала этот шепот. Она перестала обрывать с неба звезды и стремительно помчалась вниз. К тому окну, откуда за ней наблюдали сестры Скотта. И вот уже Лайза и Берти с ужасающей четкостью увидели горящие алым пламенем злые глаза, длинный крючковатый нос, бордовый колпак, из-под которого развевались седые космы. Длинные желтые зубы обнажились в страшном оскале. Острые словно спицы пальцы с длинными острыми же когтями скрючились, словно желая разорвать посмевавшихся подглядывать девочек на кусочки. Раздался громкий пронзительный хохот, скрежет железа. Девочки отпрянули от окна, крепко прижались друг к дружке и закрыли глаза...

Заворочался ключ в замке. Мистер и миссис Скотта вошли в квартиру. Раздевшись, они прошли в комнату дочек. Сквозь распахнутое окно в комнату врвался холодный зимний воздух. На столике тихо гудел проигрыватель. А на диване, обнявшись и, словно закрывая одна другую от какой-то напасти, спали Лайза и Альбертина. Они не слышали звонка в дверь и, проснувшись, были очень обрадованы приходом родителей.

– Смотри-ка, Нора, что я нашел на подоконнике, – закрыв окно, мистер Скотта протянул жене кусочек ткани. Тряпочка

выглядела так, словно кто-то зацепился за гвоздь и оставил на подоконнике обрывок одежды.

– Какой необычный бордовый цвет! – воскликнула миссис Скотта. – И как эта вещичка попала сюда?!

Лайза и Берти переглянулись: ведь каждая поначалу думала, что сон снился только ей. А у ведьмы были балахон и колпак точно такого же цвета...

Конец

Последнее воспоминание

Я проснулся от чувства тревоги и потери. Точнее говоря, эти ощущения проникли в мой сон и подняли с постели. Еще не открывая глаз, я прислушался, ожидая услышать теплое дыхание любимой женщины. Но вокруг стояла тишина. Лишь снаружи по стеклу стучали редкие капли проходящего дождя. Я негромко позвал по имени... ответа не последовало. И только тогда я открыл глаза и поднялся. В комнате было пусто. А странное ощущение лишь усилилось. В тот момент я не придал этому значения. Глупец.

Пройдя по своей небольшой квартире и не обнаружив ни в ванной, ни в кухне, ни в гостиной присутствия Джин, я вернулся в спальню. Моя жена не такой человек, чтобы просто пойти поболтать с подругой; а ходить по магазинам ей нет никакой необходимости. Значит – опять работа. Я вздохнул и лег прямо в одежде на не застеленную постель.

Внезапно мой взгляд упал на прикроватную тумбочку....

При виде небольшого золотистого ободка словно раскаленный нож вонзился в мое сердце. Я понял все. Сразу. Схватил кольцо, хранившее до сих пор тепло ее руки, и до боли сжал в кулаке. Соседей наверняка удивил странный звук, вылетевший из окна и взметнувшийся к небу – вой раненого зверя.

Я уже давно знал, что это произойдет. Рано или поздно. Из-за работы Джин, из-за моей особенности. Уже когда она сказала, что служит Ловцом душ, Ликвидатором. Но тогда мне это было безразлично. Или так казалось. Тогда я пытался обманывать себя, стараясь урвать от жизни хоть малую долю счастья. И я был благодарен Джин, когда она не отшатнулась, узнав о моей особенности. Потому что в моей памяти до сих пор остались глаза матери, полные ужаса, в ТОТ день...

* * *

Это случилось, когда мне было лет десять. Детская психика – удивительная вещь. Она ставит блок и загоняет в самые дальние углы памяти все, что может травмировать ребенка. Я не помню почти ничего, что тогда произошло. Лишь красные, наполненные бешеной яростью глаза, боль в предплечье, звуки выстрела и хриплый предсмертный вой. Отец убил ту тварь, но все же опоздал. Впоследствии он не раз говорил, что жалеет о том, ни одна из пуль не досталась мне. Слышать подобное от родного отца...

Надо отдать должное родителям – они не отказались от меня, не выгнали прочь из дома. Но с тех пор я стал изгоем

даже в собственной семье. Даже в обычные дни, сталкиваясь глазами с отцом или матерью, я читал в их взгляде страх и настороженность. Что же тогда говорить о днях полнолуния? Моя комната превратилась чуть ли не в тюремную камеру: решетки и ставни из толстых дубовых досок на окнах, такая же тяжелая дубовая дверь на прочном внешнем запоре. Однажды я увидел, как отец кладет на ночь под подушку пистолет, заряженный серебряными пулями. Тот самый пистолет, которым он убил ТОГО оборотня. На мой вопрос – зачем это, он только неопределенно хмыкнул и сердито отправил меня в свою комнату.

Мне запретили общаться с другими ребятами и забрали из школы. Теперь моим обучением занялась мать. Я видел – как тяжело ей дается общение со мной, но ничего не мог понять. Подобное поведение родителей очень обижало меня. Вспышки немотивированного отцовского гнева и постоянные слезы в глазах матери... Я стал запирается в своей комнате уже добровольно и читал. Читал, читал... Вскоре в доме не осталось ни одной книги из огромной отцовской библиотеки, которую бы я не знал от корки до корки. Я научился размышлять. И в тринадцать лет мыслил, как уже взрослый человек. Но и тогда я не понимал причин поведения родителей.

Как-то раз я случайно услышал обрывок их разговора. Резко и с болью в голосе отец говорил: – Он растет. Скоро он станет опасен для окружающих.

Что ответила мать, я так и не расслышал, говорила она тихо и жалобно. Дверь, к которой я прислонился, скрипнула, и мне пришлось быстро скрыться, чтобы не попасть на глаза рассерженному отцу.

Так продолжалось лет пять или шесть – оторванность от окружающего мира, опасливые взгляды родных, кошмарные приступы... А однажды отец забыл запереть мою дверь...

Очнулся я уже на следующий день где-то в глухом переулке. Раненое плечо сильно кровоточило. На губах ощущался металлический привкус крови. Я до сих пор не знаю – успели отец выстрелить до того, как я бросился к матери. Надеюсь, что да. Бегство из города было стремительным. Я бежал от преступления, которого, может, и не совершал, от своего страха.

Затем потянулось время странствий. Три года... пять лет... Скоро мало кто мог похвастаться таким знанием магического мира, как я. Мне нравилось путешествовать. Города, небольшие деревни, места, где никто и никогда не бывал – все это я знал, как свои пять пальцев. Но никогда больше я не возвращался в город моего детства, тот город, где произошло то, что полностью перевернуло мою жизнь.

* * *

Со временем я сильно изменился. От напуганного и неуверенного в себе паренька не осталось и следа. Я научился давать отпор тем, от кого мог ожидать неприятностей, стал спокойнее относиться к самому себе и более-менее на-

учился самоконтролю при приближении процесса. Но по-прежнему сторонился людей. И, останавливаясь волей случая в том или ином городе или деревне, я старался подобрать жилье в малолюдном месте. Теперь пришло понимание слов, сказанных когда-то отцом: «Он становится опасным для окружающих». И страшнее всего было то, что он оказался прав...

Странно, но тот раз я запомнил очень отчетливо. Возможно ощущение первой жертвы, первой крови стало столь шокирующим открытием для звериного сознания, что проникло гораздо глубже и смогло затронуть человеческий разум.

В те дни я зарабатывал себе на жизнь тем, что помогал одному деревенскому кузнецу. Он изготавливал мечи для короля одной небольшой страны; а я накладывал на оружие простейшие заклинания. За день до полнолуния я попросил своего временного хозяина пару дней отдыха, сославшись на некое недомогание. Ни о чем не подозревающий кузнец согласился. Как всегда в такое время, я ушел подальше от людей и направился в лес, заранее подготовленному логову.

Присутствие поблизости человека я... нет, не я, а тот монстр, который вселяется в меня, почуял сразу. Запах свежей крови одуряюще ударил в ноздри, заставив потерять голову. Возможно, прежде мне просто везло.... А теперь я – зверь бросился по следу. Бедный парнишка – местный знахарь – он заплутал в лесу, собирая травы для своих зелий. Наверное, в темноте споткнулся о какую-то корягу. Сейчас,

сидя на поваленном дереве, он пытался при свете полной луны перевязать ногу. Яростно сверкнувшие красноватым огнем глаза, черная тень – последнее, что он успел увидеть в своей недолгой жизни. Прыжок, короткий крик страха и боли, болезненно-восхитительное ощущение плоти на зубах – это впечаталось в мою память навсегда.

Утро застало меня возле обезображенного тела. Обратное превращение было в этот раз гораздо болезненнее, чем прежде. Наверное, сказалось то, что я убил и попробовал крови. Осознание содеянного пришло почти сразу, как только ко мне вернулся разум человека, и меня охватил ужас при мысли о том, что это может повториться.

В тот же день я покинул деревню. Возможно, более правильным было остаться.... Местные жители уничтожили бы оборотня. Но тогда я был молод, и жажда жизни была еще велика во мне. Вновь я мотался по земле, теперь стараясь еще больше ограничить общение с людьми, сведя его до необходимого минимума. Но потом я заметил интересную вещь – в больших городах, полных людей, приступы звериной ярости были значительно слабее и короче. Очевидно, ощущение природы во время превращений высвобождало мою звериную сущность гораздо активнее. Сделав выводы, я попытался в корне изменить свою жизнь.... Потом был Город.... Тот город и та кафешка, где я познакомился с Джин....

* * *

С трудом разжав судорожно стиснутый кулак, я тупо уста-

вился на маленький золотистый символ нашей совместной жизни. В голове теснились воспоминания. Внезапно пришли мельчайшие подробности первой встречи.

* * *

Моя начитанность и отличное знание магического мира позволили мне занять место корреспондента в одной из городских газет, а неплохая заработная плата – купить небольшую двухкомнатную квартиру. Свободное время я проводил или в городской библиотеке, где пополнял недостаток знаний, либо в прогулках по городу.

В тот день я улизнул с корпоративной вечеринки, устроенной нашим редактором по поводу... уж не помню – по какому именно, и отправился в свое любимое кафе «Chocoland». Недавно было полнолуние... И сейчас меня тянуло в многолюдные, но не очень шумные места. А это кафе – уютное и, одновременно, не слишком тихое – где подавали не спиртное, а действительно разные виды кофе, горячего шоколада, какао и всевозможных сладостей, было именно из таких мест. Сидя за столиком, я мельком разглядывал местную публику, вслушивался в обрывки разговоров.

И вот краем глаза я заметил немного знакомую фигуру. Эту девушку – слегка резковатую и решительную в движениях, с негромким голосом, в котором при случае можно было услышать твердые нотки – я видел здесь не впервые. Я подошел к стойке в тот момент, когда она делала заказ – черный кофе без сахара, но со сливками и несколько легких пирож-

ных. Расплачиваясь, девушка обнаружила, что у нее не хватает нескольких мелких монет, и предложила бармену крупную купюру. Лицо у того покраснело от негодования – очевидно, подумал, что таким образом его пытаются надуть. Положив на стойку деньги за кружку горячего шоколада, я прибавил мелочь, недостающую девушке. Затем отошел к своему столику. Я отнюдь не филантроп, просто другого повода для знакомства мне не пришло в голову. В своих ожиданиях я не обманулся...

В следующую минуту девушка опустилась на соседний стул.

– Послушайте... – начала она; но я, догадываясь – о чем пойдет речь, вежливо, но твердо перебил.

– Не беспокойтесь. Возможно, в следующий раз Вы чем-нибудь поможете мне.

Она пристально посмотрела на меня и кивнула. Мне понравилось – как она приняла помощь: спокойно и естественно; не строя из себя оскорбленную, но и не как нищий берет подачку.

– Меня зовут Макс. – На секунду я почувствовал ее напряжение. Странно. Ведь это я «раскрылся» перед ней – назвал свое имя – первым. Но тут же на ее губах мелькнула чуть ироничная улыбка, и я узнал ее имя.

Мы разговорились. Я рассказал, что ушел из дому совсем юным (правда, не называя причину), что путешествовал. Джин слушала с интересом; но так, словно слушают

мнение другого человека о знакомой книге или фильме.... Про себя она говорила, что детство провела в глухой деревушке, что тоже часто бывает в разъездах. К сожалению, первая наша беседа закончилась довольно быстро: минут через пять Джин глянула на часы и, извинившись, заторопилась к выходу.

Назавтра я опять был в «Chocolande», надеясь увидеть Джин. Я почему-то был почти уверен, что она придет. Придет непременно. И не ошибся. Звякнул входной колокольчик – «ловец ветра», и в дверях, освещаемая приглушенным светом люстры, возникла девушка в темно-зеленом брючном костюме.

Оглядевшись по сторонам, она что-то сказала проходившему мимо официанту и решительно направилась к моему столику. Положила рядом с моим портсигаром несколько мелких монет.

– Возражения не принимаются. – Голос ее был чуть властный. – Не люблю быть должником. Пусть даже по мелочам.

Я чуть усмехнулся: – Хорошо. Тогда позвольте мне угостить Вас чашкой кофе?

Джин весело рассмеялась: – Увы, Макс, Вы опоздали. Я уже сделала заказ. – Словно в подтверждение ее слов к столику подошел официант и поставил перед девушкой большую кружку, из которой поднимался легкий ароматный пар.

Джин обхватила кружку обеими руками, словно стараясь согреться. Про себя я заметил, что сегодня у нее очень устав-

ший, даже немного болезненный вид.

Не желая казаться назойливым, я тут же расплатился с официантом, оставив отданную мне девушкой мелочь ему «на чай» и поднялся из-за стола.

Словно прочитав мои мысли, Джин с легкой усмешкой остановила меня: – Я ценю Вашу тактичность, Макс. Если Вы никуда не спешите, то, может, останетесь?

И вновь, как и вчера, мы беседовали на различные темы. Начиная от литературных новинок, вышедших только недавно и обычаев различных рас магического мира, и заканчивая чем-то фундаментально-философским.

Джин поинтересовалась – откуда у меня такие глубокие познания в некоторых областях, если я, по моим же словам, рано покинул дом и много путешествовал. Я ответил, что получил довольно сильное домашнее образование. Опять же ничего не уточняя. Джин кивнула, удовлетворившись этим ответом.

Эта девушка начинала нравиться мне все больше и больше. Ее пронизательность и умение почувствовать собеседника привлекали. И хотя я чувствовал некоторую ее настороженность по отношению ко мне, но считал это совершенно естественным – мы были знакомы еще очень мало, чтобы полностью доверять друг другу.

* * *

Странно, хотя у нас никогда не было договоренности о встрече, но мы почти каждый день угадывали время прихода

друг друга в «Chocoland». Подобные встречи стали необходимы для нас обоих.

Иногда встретившись в кафешке, мы шли гулять в городской парк. Там бродили по тропинкам, зачастую молча, погруженные каждый в свои мысли, но все же ощущая присутствие друг друга. Это нельзя было назвать романтической прогулкой. В наших отношениях не было ни малейшего намека на какую-либо сентиментальную влюбленность. В ту пору Джин была интересна мне, прежде всего, как друг и интересный собеседник.

Однажды я не мог прийти из-за всегдашнего приступа. Через пару дней после полнолуния, когда я вошел в кафе, то увидел Джин, сидящую за столиком, который уже как бы закрепился за нами. На ее месте любая другая девушка принялась бы осыпать меня упреками и требованиями объяснений. Джин же не стала ни о чем расспрашивать, приняв мое отсутствие, как что-то непонятное, но совершенно естественное. И я был благодарен ей за подобное отношение.

Как-то у нас зашел разговор о моей работе. Тогда я еще не знал – чем занимается сама Джин. И поинтересовался.

Девушка пристально поглядела на меня: – А ты уверен, что действительно хочешь это знать?

Меня слегка удивила подобная фраза. Я утвердительно кивнул.

Пристально глядя на меня, Джин произнесла: Я – Ловец Душ. – Затем, (этот разговор происходил в «Chocolande»),

она принялась чертить чайной ложкой рисунок на скатерти. Но я знал, что она наблюдает за мной, ожидая реакции на сказанное. Чего она ожидала? Испуга, неприязни... Не знаю. Но я знал: кто такие Ловцы и какое к ним отношение в магмире. И отлично понимал – что это такое – быть изгоем, отверженным.

Меня тронуло ее доверие. Но открыться в ответ я еще не мог. Это произошло гораздо позже. И, именно открывшись Джин, я сам положил первый камень в стене недоверия, возникшей между нами впоследствии. Хотя, возможно, расскажи я ей о своей особенности раньше, этого могло и не случиться. Впрочем... Этого не случилось бы по той причине, что она сразу отказала бы мне. Возможно.

А в тот день я просто ощутил какой-то странный толчок в груди. словно стукнули маленьким тревожным кулачком. Но я не придал этому значения. Возможно и потому, что меня посетило и еще одно довольно странное чувство. Я вдруг понял, что Джин нравится мне не только как собеседник и друг, но и как красивая девушка. Почему ее откровенное признание о работе было связано с моим осознанием факта симпатии к ней, я не могу понять до сих пор.

Но и о своих чувствах в тот день я ничего не сказал, решив сначала проверить их прочность и силу. Я слишком долго ограждал себя от сильных эмоций, слишком долго был обделен любовью, чтобы поверить в нее вот так, с ходу.

Мы продолжали встречаться и вести дружеские беседы.

И все же с каждым днем я все отчетливее осознавал свое желание быть рядом с Джин как можно больше и дольше; я уже хотел не просто по-дружески брать ее под руку во время прогулки, но нечто большего. Как и всегда, я попытался разобраться в себе. Что это – просто плотское желание или не только? И, лишь убедившись, что дело скорее в душевном влечении, я пригласил Джин как-то вечером к себе в гости. Она приняла приглашение со спокойной улыбкой, хорошо осознавая: что именно оно означает.

* * *

Та первая ночь, как и первая наша встреча навсегда врезалась мне в память. Хотя бы потому, что она не была похожа ни на одну ночь в моей жизни. С того момента, как я стал оборотнем, каждая ночь, даже если не было полнолуния, была для меня кошмаром. Я всегда забывался тревожным сном, и до самого утра мне виделись кошмары; либо я проваливался в сон, словно в черную пустую бездну. Говорить же о ночах моего превращения и вовсе не стоит. Та же ночь, полная огня и страсти, принесла мне успокоение впервые за многие годы.

Уже проснувшись утром, я с улыбкой наблюдал за спящей девушкой. Она устроилась, уютно положив голову мне на плечо.

Вот она открыла глаза. Чуть приподняла голову, глядя на меня. Улыбнулась в ответ. – Ты поражаешь меня уже который раз, Макс. Я-то думала, что в тебе нет подобной страст-

ности. Ты казался мне более... хладнокровным, равнодушным, что ли. Более эмоционально скрытным. – Она провела пальцем по моей щеке. Затем сладко потянулась и начала одеваться.

Следя за неторопливыми движениями Джин, я взял с прикроватной тумбочки пачку сигарет, достал одну и закурил. Я уже знал, что эта ночь будет первой, но не последней.

– Знаешь, а ведь тебе придется однажды забрать и мою душу. – Отчего эти слова внезапно вырвались у меня? Возможно оттого, что мой взгляд случайно скользнул по календарю: до очередного полнолуния оставалось совсем немного.

Джин подошла к кровати, наклонилась, глядя мне прямо в глаза, и жестко произнесла: – Никогда больше не шути подобным образом, Макс.

Я молча кивнул. Но уже тогда понимал, что когда-нибудь произойдет именно так.

На следующий день мы встретились в кафешке, как ни в чем не бывало. Приветственная улыбка, дружеская беседа. Вот и все. Я не хотел торопить время, желая все четко взвесить. Ведь, если Джин примет мое предложение, она подвергнет себя определенному риску. С другой стороны, ее работа подразумевала под собой постоянный риск. К тому же Джин (как и почти все мои друзья и знакомые, кроме одного человека) не знала о третьей комнате в моей квартире. Да и никто, кроме очень сильного мага, не смог бы заподозрить, что в небольшом простенке между гостиной и спальней есть

еще одно помещение. Эту комнату – небольшую в пятом измерении – по моей просьбе сделал один мой приятель – архитектор-строитель. Дверь этой комнаты была сделана так, что пропускала как внутрь, так и наружу только человека. Только ОДНОГО человека. Меня. Именно там я проводил мучительные бессонные ночи, озаренные полной луной.

Полнолуние, в которое мы не встретились, затем недолгая командировка, куда меня отправил шеф, еще несколько ночей, проведенных вместе – почти все это время я упорно размышлял. Даже став любовниками, мы с Джин не утратили взаимного интереса к дружеским беседам и прогулкам. Осталась легкость общения, свойственная друзьям. И мне нравилась эта девушка – страстная, порывистая под покровом ночной темноты и сдержанная, чуть задумчивая при свете дня. Нравилась все больше и больше с каждым днем. К тому же.... Жить под одной крышей со своим будущим Ликвидатором.... Это щекотало нервы.

* * *

– Джин, выходи за меня замуж. – Эти слова я произнес спокойным, почти безразличным голосом. Хотя, должен признать, ответа ждал все же с некоторым волнением, которого постарался не выказать.

Девушка удивленно приподняла брови. – А ты понимаешь, Макс, что это будет... не совсем тот брак, в обычном понимании этого слова? Моя работа и твои командировки... Мы редко будем вместе. Да и зачем?

Я кивнул, давая понять, что осознаю правоту ее слов. В голове мелькнула мысль «Мы будем вместе еще реже, чем тебе кажется, Джин». Но вслух этого я, разумеется, не произнес. Лишь слегка усмехнулся, кивнув. Хотя ее согласие – данное таким же равнодушным, хладнокровным тоном – я принял со скрытой радостью.

Наша свадьба была донельзя скромной и тихой. Мы оба из той породы людей, у которых крайне редко бывают друзья. И ни у меня, ни у Джин не было настолько близких друзей, чтобы приглашать на подобное мероприятие. Короткая церемония бракосочетания в городской ратуше, небольшое пиршество в «Chocolande», вечерняя прогулка в парке – вот и все празднество. И затем вновь ночь, наполненная страстью, огнем и любовью. Одна из тех, которых в нашей жизни было потом немало.

Надо сказать, что свадьба не слишком изменила наши отношения. Разумеется, это была не та семья, где заботливая жена ждет возвращения мужа с работы, переделав все домашние дела. Да, нам обоим и не нужна была подобная семья. Зачастую я возвращался из командировок и не заставал Джин дома. Я знал – значит ее вызвали. Моя работа была более спокойной и менее рискованной. Поэтому я волновался за Джин. Однако ни разу не подал вида. Это задело бы ее свободолюбивую натуру. И все же, в те дни, когда мы были вместе, мы были счастливы. Я ощущал ту теплоту, которой мне не хватало все прошлые годы. И был спокоен, даже зная

о приближении полнолуния. Хотя и надеялся, что Джин станет известно о моей особенности как можно позже.

И все-таки это произошло гораздо раньше, чем я предполагал и чем мне этого хотелось бы. Буквально через месяц после того, как запись в книге регистрации браков в городской ратуше официально соединила наши отношения. Мы проводили день в заслуженном бездействии, так как Джин только накануне вернулась из трехдневного дежурства, да и я почти неделю провел в разъездах, собирая материал для очередной статьи. И сегодня мы, как всегда, гуляли по парку, заскочили на полчаса в «Chocoland», а все остальное время провели дома, наслаждаясь обществом друг друга. Было уже около десяти часов вечера. Я курил, стоя у окна. В ванной слышался плеск воды и негромкое насвистывание Джин. Атмосфера была весьма умиротворяющей, однако я ощущал, как что-то будто давило на меня.

Внезапно я почувствовал такую знакомую ломоту в костях, в голове зашумело. Это произошло так внезапно, что в первые пару секунд я и не понял – что происходит. Но следующий резкий взрыв боли «разъяснил» все. Я тихо чертыхнулся и рванул в ту самую, особую комнату, чтобы успеть не попасться на глаза жене. Успел вовремя, так как только коснулся рукой простенка, скрывающего вход в мою «камеру», как услышал щелчок отрываемой двери в ванной и голос Джин, о чем-то меня спрашивающей. Тело уже разрывало от боли, и я, не удержавшись, закричал.

Разумеется, стены глушили все звуки. Однако ничто не могло сгладить обычные после трансформации изменения внешности. И когда через два дня я вышел, в разорванной рубашке, испачканный собственной кровью и с остатками признаков боли на лице... Любой житель магмира знает: КАК выглядит оборотень. А уж Джин, столкнувшейся со мной в коридоре, это было известно очень хорошо. Разумеется, она и прежде замечала на моем теле шрамы, но то ли не придавала этому значения, то ли просто не считала нужным спрашивать. Но сейчас...

– И ты это скрывал от меня? – ее голос был не испуганным, а, скорее, требовательным и резким. Я устало потер лицо руками, поморщившись от боли в плечах. Ну что я мог сказать в свое оправдание? Которого она, кстати сказать, и не стала слушать. Бросив холодный взгляд, просто вышла из квартиры. Тогда, возможно, единственный раз за все время, я испугался, что могу ее потерять. Разумеется, бросаться вдогонку не стал. Я был слишком горд, чтобы просить прощения, а Джин – чтобы вот так сразу его принять. Однако впервые за многие дни я вновь ощутил тяжесть моей особенности, которую проклинал несчислимое количество раз и до этого и после...

Заметив на подзеркальном столике в коридоре конверт с пометкой из редакции, я разорвал его и принялся читать письмо, чтобы хоть как-то унять напряженную боль в сердце. Тон письма был весьма резким. Редактор ничего не объ-

ясняя, требовал немедленно прибыть к нему для серьезного разговора. С горькой усмешкой я подумал, что после довольно продолжительного спокойствия в моей жизни вновь началась черная полоса. Приведя себя в порядок, положил письмо в карман и направился «на ковер» к начальству. Однако все оказалось куда лучше, чем я подумал. Редактор, хотя и раскритиковал мою последнюю вещь и попенял за трехдневное отсутствие (впрочем, как всегда), был настроен довольно миролюбиво.

Возвращаясь, я пошел по излюбленному маршруту в парке... Обернулся, услышав окликнувший меня негромкий голос. Джин сидела на бордюре фонтана, уронив руку в воду. Я подошел и встретился с насмешливым взглядом.

– Ну и дурак ты, Макс. – Эта фраза, произнесенная чуть язвительно, способная, возможно, оскорбить, отчего-то наоборот оказала на меня успокаивающее действие. Ну да, Джин сердилась на меня... И все же поняла и простила. По моим губам скользнула легкая улыбка. Джин хмыкнула иронично: – И не думай, что таким образом сможешь избавиться от меня. Развода не получишь.

Я расхохотался и протянул руку, помогая девушке подняться с каменного сиденья: – Пошли домой.

* * *

– Что случилось? – Открыв глаза, я заметил, как жена пристально смотрит мне в лицо. Пристально и изучающе. Но она промолчала и лишь пожала плечами. Разумеется, даже

простив, Джин стала все же более насторожена по отношению ко мне. Особенно это было заметно в дни, предшествующие полнолунию. Я видел, что она перестала доверять мне. Не боялась, нет... Просто наши отношения стали чуть более натянутыми. Она все время как будто сверяла мое поведение со своими мысленными наблюдениями. Я не обвинял ее, прекрасно все понимая. Однако это стало напоминать мне прежние времена, когда я жил с родителями. То же настороженное недоверие, хотя и без присутствия страха.

И все же потом все вошло в прежнее русло. Ощущение недоверия со стороны Джин исчезло. Мы никогда неговорили о том, что произошло и происходило каждый месяц. Только иногда я замечал косые взгляды, бросаемые девушкой на календарь. Но... ко всему привыкаешь. Джин привыкла к моим регулярным приступам, я – к ее отношению. И даже поддерживала меня после каждого полнолуния.

* * *

Какую цель преследовал наш редактор, во время очередного корпоративного банкета (состоявшегося по жестокой воле случая накануне очередного полнолуния), усадивший рядом со мной за столом свою новую секретаршу – точную копию куклы барби: с такими же шикарными формами и идентичным кукольному количеству мозгов – я не знаю. Возможно, в ее задачу входило задержать «нелюдимого Макса», как меня называли в редакции, на вечеринке подольше. Однако я вовсе не поклонник подобного времяпрепровождения.

дения; и поэтому постарался смыться пораньше и незаметно. К тому же я уже начал ощущать Зов Луны, а это чувство не из приятных... Увы, мне удалось осуществить лишь одну часть замысла. Увидев, что я направился к выходу, редактор чуть заметно кивнул секретарше.

Та по-кукольному глупо улыбаясь, мило прощebetала: – Ах, как жаль, что Вы уже уходите, Макс. Впрочем, мне тоже уже пора. Надеюсь, Вы будете галантным кавалером и проводите меня. Уже довольно поздно, красивой девушке идти по темным улицам одной небезопасно. – И торопливо, пока я не успел отказаться, надела шубку и выскользнула за дверь.

Я хотел было возразить, что вряд ли рядом со мной она будет в безопасности, но подумал, что успею по-быстрому довести эту болтливую куклу до дома и уйти прежде, чем...

Снег, освещаемый фонарями, создавал иллюзию не ночи, а, скорее, очень пасмурного дня и приятно поскрипывал под ногами. Изо рта без умолку трещащей о чем-то девушки вырывался парок; казалось, что даже слова мерзнут на холоде. Внезапно я ощутил сильное головокружение и волну острой боли, прошедшей по всему телу. От неожиданности даже перехватило дыхание. Я остановился возле фонарного столба, привалившись к нему плечом. Постарался отдышаться и взять под контроль вырывающуюся из глубины подсознания свою вторую сущность. Махнул рукой «кукле», которая, не слыша рядом моих шагов, приостановилась, а затем вернулась.

– Макс, Вам нехорошо? Перебрали немного, да? – та же милая и до ужаса глупая улыбка, которая в последующие несколько минут превратилась в маску ужаса, навсегда застывшую на кукольно-красивом лице. Возможно девушка впала в некий шоковый ступор, так как во все время моего превращения она как вкопанная стояла на одном месте. Затем развернулась, чуть не упав в снег, и побежала.

Наверное, картина была впечатляющей: по ночному зимнему Городу мчался громадный черный зверь, преследующий девушку, глаза которой были расширены, а рот раскрыт в немом вопле ужаса. По счастью (для меня и остальных обитателей Города, но, увы, не для несчастной) жители магического мира отлично знают, что ночь – не лучшее время для прогулок. Особенно ночи полнолуния. Да и время года способствовало тому, что даже влюбленные, обычно нет-нет, да и засиживающиеся летом в парке допоздна, сейчас предпочитали обосноваться где-нибудь в тепле и уюте. Так что улицы были тихи и пустынно. А зверя захватывало упоительное чувство погони....

Если бы не обледенелый тротуар перед подъездом, может девушке и удалось бы добраться до железной двери, которая спасла бы ее от монстра... Но... Вновь жестокая и уже последняя насмешка Судьбы... Нога в зимнем полусапожке на высоком каблуке скользнула по льду. В следующий миг девушка захлебнулась криком и хлынувшей из горла кровью. Зверь впился клыками в шею извивающейся жертвы,

наслаждаясь ее ощущением дикого страха и вкусом смерти. Жажда убивать, причинять страдания была сейчас такой же острой и яркой, как и боль, которую испытывала добыча. Однако через некоторое время тело девушки обмякло, переставая подавать даже малейшие признаки жизни. Хищник облизнулся, ткнулся пару раз мордой в снег, чтобы очиститься от крови и бросился прочь, оставляя у подъезда изуродованный труп.

Обратная трансформация была еще ужасней, чем когда я убил впервые. Дрожа от холода и боли, я пробирался какими-то пустынными дворами, стараясь никому не попасться на глаза. Мой внешний вид, разорванная одежда непременно вызвали бы законные подозрения. Вернувшись домой, я первым делом принял горячую ванну. Долго стоял под струей теплого душа, словно желая смыть с себя ночной кошмар. Затем рухнул в кровать и мгновенно уснул.

Разбудили меня легкое прикосновение к плечу и негромкий голос, окликнувший меня. Я открыл глаза. Джин сидела рядом на постели, держа в руках газету. Как оказалось – проспал я два дня. За это время тело девушки, разумеется, было найдено и факт страшной смерти уже попал в прессу. Правда, списали все на стаю одичавших собак, порой забредающих в Город из ближайшего леса. Правду знали только двое. Хотя один из знавших уже никогда никому уже не сможет рассказать.

– Макс?... – Джин не закончила вопрос; увидела так же

не произнесенный вслух ответ в моих глазах. – И что теперь будешь делать?

Как оказалось – вчера звонил редактор и крайне недовольно интересовался причиной моего отсутствия на работе. (– Кстати, не похоже, чтобы он сильно переживал, – если бы ехидность могла убивать – то, слышь редактор тон, которым моя жена произнесла эту фразу, он бы последовал за своей секретаршей на тот свет тут же). На этот его вопрос Джин ответила, что, переоценив свои возможности в потреблении спиртного, я уже второй день мучаюсь от похмелья. Как ни странно, такой ответ моего начальника вполне удовлетворил.

Я с благодарностью посмотрел на жену, хотя и не смог удержаться от кривой усмешки: – Ликвидатор покрывает только что совершившего убийство оборотня...

– Макс. Ты полный идиот! – резко бросила жена, попытавшись вскочить.

Я успел удержать ее за руку. Затем поморщился, потер виски пальцами – голова раскалывалась, будто я и в самом деле был в состоянии жестокого похмелья. О чем и сказал Джин, извинившись за невольно вырвавшуюся фразу.

– Ты всегда умеешь найти оправдание. – Ее мягкая усмешка говорила о том, что я прощен. Затем Джин толкнула меня в плечо. – Ложись, тебе отдохнуть и прийти в себя надо.

– Интересно, а кто из меня перед начальством алкоголика

сделал? – Я притворно возмутился. Потянул ее на себя.

В этот раз я был жестким и яростным; возможно, давало о себе знать позавчерашнее происшествие. В какой-то момент я даже заметил тень испуга, промелькнувшую в глазах Джин.

* * *

С того злополучного полнолуния прошло года три или четыре. Теперь я старался скрываться в такие дни как можно тщательней, почти не выходил из дома. Порой ловил на себе чуть задумчивый взгляд жены. Однако, по большому счету все шло, как и прежде. До ТОГО дня... Дня, когда все рухнуло в один миг. Дня, который я запомнил так же четко, как и день нашей встречи.

Мы оба только вернулись из командировки и теперь, неторопливо прогуливаясь по парку, наслаждались спокойствием тихого апрельского вечера и обществом друг друга.

– Знаешь, мне предложили пройти курс повышения квалификации... нечто похожее на чтение времени. И я согласилась. – Она не спрашивала совета. Просто ставила в известность.

Я кивнул, принимая к сведению. Почему не отговорил?! Впрочем, отговаривать от чего-то или уговаривать Джин, если она принимала какое-то решение, было бессмысленно. Она всегда и во всем была по-кошачьи независима. И глядя в эти черные, бездонные, как сама Тьма, глаза, на решительное выражение лица с тонкими чуть неправильными чертами, я благодарил Судьбу за то, что наши – мои и Джин – пути

сошлись, и мы вместе. Потому что я безумно любил ее. Хотя крайне редко говорил или давал понять это. Просто мы оба это знали. Как и то, что эти чувства взаимны. И так было. До той злополучной поры, когда она стала ходить на свои курсы.

Изменения в наших отношениях происходили постепенно, но весьма быстро. Теперь во взгляде Джин довольно часто мелькало недоверие и опасение. Словно она встретилась в лесу с диким зверем и не знает – как себя вести с ним и как себя поведет он – пройдет мимо или нападет. Меня это изумляло: ни тогда, когда я признался в своей особенности ни тогда, когда Джин увидела меня после полнолуного убийства – я не видел и не ощущал в ней страха. А теперь... Выяснить же причину, если Джин сама не хотела говорить об этом, было бесполезно. А звериное чутье моей второй сущности, не подводившее меня никогда прежде, почти кричало о надвигающейся, хотя еще и неясной беде.

И вот наступил сегодняшний день. Принесший мне последний удар. Вся наша совместная жизнь – от момента встречи до сих пор – промелькнули в моей памяти, в течение нескольких минут. Я разжал судорожно стиснутый кулак и обнаружил, что кольцо Джин, вдавившись в ладонь, оставило глубокий отпечаток на коже.

Оборотень, лишившийся единственного счастья в этом мире и утративший смысл жизни – вот кем я становился с этого момента. Внезапно меня охватило чувство озлобленности на весь мир. Я бросил взгляд на календарь. Еще неде-

ля... Тут же навалилась моральная усталость. Я устал прятаться, сдерживать себя. Теперь я не видел причины, чтобы делать это и дальше.

Поднялся с кровати; положил кольцо Джин на тумбочку рядом с ее миниатюрным портретом. Пристально, с горькой усмешкой, скривившей губы взгляделся в последний раз в до боли родные черты лица. Я знал, что мы еще встретимся. Один раз. Последний. И все будет кончено. Но только тогда; не раньше. Затем развел в камине гостиной огонь огромной силы. Что последует за этим поступком, я знал, но мне было абсолютно все равно. Я знал, что та – вторая моя сущность – какое-то время будет противиться. Однако я знал также, что по-другому уже нельзя. Через несколько минут пламя с жутким гулом выбило стекло, вырываясь из окна.

Я покидал Город, где был счастлив несколько лет, так же, как уже давно ушел из города своего детства...

* * *

Оборотень мчался по лесной тропе, прорываясь сквозь цепляющиеся за шерсть колючие еловые ветви. Монстр был хитер и умен, но следующие за ним по пятам Охотники имели большой опыт. В плече и левой задней лапе зверя уже закрепили несколько серебряных пуль, причиняющих боль. В бок, мешая бежать, застрял дротик. И все же зверь бежал. Не останавливаясь, чтобы огрызнуться, обернувшись, на преследователей или перевести прерывистое дыхание, с хрипом вырывающееся из глотки. Перепрыгнув через поваленное

дерево, монстр ощутил, как земля проваливается под лапами. Через миг почувствовал удар, упав на дно ямы. Поднявшись, помотал головой, приходя в себя. В глубине ямы слышалось негромкое поскуливание. Зверь резко обернулся и увидел в дальнем углу забавно семенящего к нему щенка. Оборотень попал в волчье логово; взрослых животных сейчас не было, детеныш оставался один. Сил было мало; раны монстра кровоточили. Оборотень прислушался: снаружи было тихо, звуков погони не слышно. Он устало опустился на землю, даже не опасаясь, что волки могут вернуться в любой момент – в лесу сейчас было слишком беспокойно, звери не рискнули бы привести к своей норе людей.

Изогнувшись самым немислимым образом, монстр вцепился зубами в засевавший в боку дротик и резко дернул. Коротко взвыл от боли и принялся быстро зализывать рану. Следы от пуль уже начали затягиваться, оставляя кусочки светло-серого блестящего металла внутри тела. Однако сил для полного восстановления еще не хватало. И дать их могли только свежая плоть и кровь. Оборотень дождался, пока любопытный волчонок подберется совсем близко, затем резко вскинулся... Негромкий взвизг, хруст ломающихся костей, и зверь придавил лапами к земле подрагивающее в предсмертных судорогах мохнатое тельце...

Насытившись и дав своему уставшему телу небольшую передышку, оборотень рискнул вылезти из временного убежища. Заметил неподалеку следы Охотников, однако их при-

сутствие не ощущалось. Зверь побежал, порой настороженно оглядываясь по сторонам и прислушиваясь. Однако пого- ни не было.

Фигура человека появилась перед ним беззвучно и неожиданно, заступив дорогу. Зверь отпрыгнул, в глазах зажглись красноватые огоньки яростной злобы; верхняя губа дрогнула, обнажая клыки; из пасти вырвался глухой клокочущий рык. Человек вскинул руку, целясь. В последний момент их глаза встретились...

– Макс...

Уголки звериных губ дернулись в почти человеческой улыбке, в глазах промелькнула искра узнавания. Они были слишком близки друг к другу. Пуля пронзила сердце оборотня в тот же миг, когда его клыки вонзились в горло девушки.

Конец

След оборотня

Я сидел в вагоне метро. Духота в вагоне стояла ужасная и действовала усыпляюще. Вот звук стучащих колес несколько изменился, и поезд выехал из подземного тоннеля на улицу. Вид за окном совершенно не радовал. Грязно-серая корка того, что, по идее, должно называться снегом, лежала на дороге и крышах домов. К тому же на дороге и на тротуарах были видны тусклые блики полузамерзших луж. Обычный зимний московский день – серый и пасмурный.

Я отвел глаза от окна и принялся изучать соседей по ва-

гону. Это тоже не принесло удовлетворения. Иногда среди пассажиров попадаются интересные люди (в такие моменты я даже жалею, что со мной нет фотоаппарата, чтобы запечатлеть их). Но сегодня все лица были до зевоты скучными, хмурыми. Книгу я с собой не захватил, ехать еще долго. Я расстегнул верхнюю кнопку куртки (все-таки в вагоне, набитом одетыми в теплые куртки и шубы людьми, жарко даже зимой) и закрыл глаза.

Внезапно мной овладело какое-то странное чувство. Ощущение влаги, свежего воздуха. Я приоткрыл глаза...

* * *

До чего же хорошо в жаркий день напиться из реки. Я лакнул прохладную воду еще пару раз. Несколько капель сбегали по подбородку и усам. Я чуть поскользнулся, и правая передняя лапа коснулась воды. Бр-р-р; я отдернул лапу и тщательно облизал ее. Постоял немного у воды, любуясь на свое отражение. Действительно, хорош: палевая шерсть с темными пятнами, под которой явственно проступают рельефные мускулы; янтарные глаза, способные видеть в темноте. Картину не портил даже шрам через морду. Это я столкнулся на одной тропе с Сипатым – так его прозвали за слабое и хриплое рычание. Я тогда забрел на его территорию, и Сипатый пытался выгнать меня. Но что может сделать старый полубольной гепард с молодым, полным сил соперником? Я предложил тогда Сипатому сдаться, но этот старый дурень был ужасно упрям и самоуверен.... В тот день у падальщи-

ков – гиен и грифов – был сытный обед. А красавица Желтоглазка наконец обратила на меня внимание... Я замурлыкал, вспомнив приятные минуты, проведенные с ней.

Внезапно ветер донес до меня острый терпкий запах зверя. Я закрыл глаза и принялся, стараясь определить точное направление. Затем, скользя в желтой траве, просто замечательно скрывающей мои передвижения, направился в ту сторону, откуда пришел запах Добычи. До этого я не ел несколько дней, и представившийся случай поохотиться был весьма кстати. Медленно и верно я приближался к моему будущему обеду – молоденькой и довольно упитанной антилопе. Вот напряглись мышцы плеч, спины и задних ног... Прыжок... Антилопа забила в моих объятьях. Несмотря на свою молодость, она оказалась довольно сильной и, сопротивляясь, пыталась подняться. Я крепче сжал зубы и услышал, как с хрустом сломался ее позвоночник.

Я отволок добычу немного в сторону, прячась от палящих лучей солнца. Охота не заняла много времени, но отняла довольно много сил: Сказалась жара, многодневная вынужденная голодовка и сопротивление антилопы. Я перевел дух и не торопясь принялся за трапезу. Тут же появилась небольшая стая гиен: эти нахлебники, почуяв запах свежееубитой дичи, поспешили явиться за своим куском. Я негромко, но грозно рыкнул. Гиены огрызнулись в ответ, но отскочили. Поняли, что их черед еще не наступил. Я с наслаждением оторвал первый кусок. Восхитительный сладковатый вкус сырого мя-

са, смешанный с соленой кровью, наполнил мою пасть...

Вдруг где-то совсем рядом раздался крик ужаса. Крик Человека.... Я поднял голову от туши антилопы и...

* * *

Встретился взглядом с женщиной, сидевшей на сидение напротив. Вагон был уже пуст; в нем оставались только я и эта женщина. Значит, уже конечная; я прозевал свою остановку.

Женщина вопила не переставая, в глазах у нее стоял дикий ужас. Почувствовав что-то влажное на подбородке, я провел по нему ладонью. Поднеся затем руку к глазам, я понял, что так напугало мою соседку по вагону. Моя ладонь была выпачкана в крови, которую я стер со рта.

Конец

«Хор маленьких Ангелов»

В этом году сентябрь выдался на редкость теплым и солнечным. Правда, от его начала прошло всего три дня. Но все равно, приятно думать, что лето продолжается и в этот первый осенний месяц. Листва на деревьях желтеет медленно и неохотно опадает. Трава на газонах пока еще радует глаз своим зеленым цветом. Настроение поднимают и яркие осенние цветы. Даже бабочки удивляют своим поздним порханием, не желая признавать, что их время уже прошло.

Юлька Ромашкина неторопливо брела по тротуару, поддевая ногами немногочисленные опавшие листья. Легкий еще

по-летнему теплый ветерок играл прядкой ее светлых волос. Спешить было некуда. Закончилась первая учебная неделя; уроков по причине недавних каникул еще не задавали. Родители собирались умотать на дачу. Так что впереди намечались два восхитительных выходных дня с полной свободой и самостоятельностью. Правда, мама сначала не хотела оставлять дочку дома одну, но та все же уговорила: – Мам, ну мне же уже не пять лет и не семь, а целых двенадцать. Не маленькая, справлюсь. А я бы пригласила в гости Лизу и Сашу. Мамочка, ну пожа-а-алуйста!

– Юль, а может, все-таки поедешь с нами? – спросила мама. Но девочка так яростно замотала головой, что маме пришлось отказаться от своей затеи вытащить дочь на свежий воздух. – Ладно. Приглашай своих подружек. Только не переверните дом вверх тормашками.

Юлька принялась уверять, что к возвращению родителей все будет тихо и аккуратно.

Разговор этот происходил утром, а сейчас, возвращаясь из школы, Юлька думала, что надо будет позвонить девчонкам и рассказать о намечающейся встрече. Класс! Можно будет допоздна крутить видик, болтать о прошедшем лете и поедать разные вкусности. Надо только забежать в булочную, купить чего-нибудь к чаю и хлеба.

* * *

Где-то неподалеку раздалось хоровое пение. Юлька остановилась, с удивлением огляделась по сторонам. Голоса бы-

ли слышны с площадки у старой школы, которую собирались сносить уже месяца два или три. Юлька подбежала к забору и проскользнула между двумя расшатанными досками. Ее взору открылось весьма необычное зрелище. Во дворе перед ветхим, со «слепыми» – без стекол – окнами зданием стояли около двух десятков детей в возрасте от семи до тринадцати лет. Одеты они были в необыкновенно красивые светло-зеленые и светло-желтые с белым длинные до земли одеяния. Головы ребят украшали тонкие золотистые обручи. И у мальчиков, и у девочек были одинаково длинные, закрывающие плечи, светлые волосы. Пели дети что-то непонятное, но радостно, чисто и легко.

И Юльку и нескольких других прохожих, остановившихся послушать, завораживало это необычайно прелестное пение. Непонятно было: откуда появился этот хор и почему он расположился во дворе заброшенной школы.... Но почему-то никто не задал себе, даже мысленно этих вопросов. Люди просто стояли, позабыв обо всех своих делах, и восхищенно слушали.

Хором руководила невысокая худощавая женщина в серо-голубом платье. Словно повинувшись ее тонким рукам, детские голоса то взлетали ввысь к самому небу, то падали до каменного покрытия школьного двора.

Внезапно руководительница подала знак, пение смолкло. Она подошла к одному из мальчиков и, положив руку ему на плечо, ласково улыбнулась: – Коленька, дитя мое, ты снова

ошибся. Это уже вторая ошибка за месяц. Что же мы с тобой будем делать? – Женщина с мягкой укоризной покачала головой. Мальчик поднял на нее испуганные серые глаза, и что-то очень тихо проговорил. Руководительница хора так же негромко ответила. Тот, кого она назвала Колей, как-то судорожно дернулся и всхлипнул. Женщина успокаивающе погладила его по длинным белокурым волосам. Через пару минут хор, послушный жесту, снова запел.

Юльку Ромашкину очень заинтересовало поведение мальчика Коли: что же могло напугать или расстроить его до такой степени, что на его глазах даже выступили слезы? Неужели эта красивая сероглазая женщина в прекрасном платье и с такой доброй улыбкой? Мельком взглянув на часы, девочка решила подождать окончания этого импровизированного концерта. Наконец смолкла последняя нота последней песни. Оглянувшись по сторонам, Ромашкина заметила, что из слушателей осталась она одна. Ее словно что-то удерживало рядом с необычным хором.

Она увидела подошедшую руководительницу хора. Вблизи та показалась еще прекрасней. Серые глаза так и лучились ласковой улыбкой. – Тебе понравилось выступление? – обратилась женщина к Юльке.

От смущения девочка не смогла произнести ни слова и только кивнула.

– А ты бы хотела петь в нашем хоре? – вновь спросила руководительница.

Юлька просто онемела от неожиданности: как же это так? Она очень любила петь и даже попросила маму записать ее в какой-нибудь кружок. Увы, у мамы никак не находилось для этого времени. Но вот так просто.... Это было весьма необычное предложение. Женщина терпеливо ждала, ласково улыбаясь.

– А... а что для этого нужно? – от волнения Юлькин голос звучал несколько осипло. Она хотела добавить: «какие-то документы, прослушивание?» Но, очевидно, женщина привыкла к подобным вопросам, поэтому ответила сразу, не дожидаясь продолжения.

– Для того чтобы петь в нашем хоре для начала нужно только твое согласие.

И Юлька кивнула, не понимая еще: что делает.

– Ну, вот и славно, – вновь улыбнулась женщина. – Тогда залезай вместе с остальными ребятами в автобус, и поедем.

– Как поедем? Куда? – опешила Ромашкина. – Я же должна хотя бы предупредить маму. Да и портфель надо домой занести.

– Ни о чем не беспокойся. – Женщина погладила девочку по голове, как до этого одного из певцов хора – Колю. И Ромашкина вдруг ощутила совершенное душевное спокойствие. Действительно – все будет хорошо! Как же иначе? Только нужно во всем слушаться эту добрую и милую тетушку.

В это время во двор школы въехал автобус нежно-розово-

го цвета. Ребята залезли внутрь, и автобус тронулся. К Юльке, сидевшей в самом конце салона и выделявшейся среди остальной одежды и изумленным видом, подседа одна из девочек. – Привет. Меня зовут Майя. А ты новенькая, да?

Юлька кивнула.

– Ой, ну тогда ты еще ничего не знаешь. Давай расскажу. Наш хор называется «Хором Маленьких Ангелов». Мы поем песни, которые увидел в вещем сне наш Учитель. Он их записал, а мы выучили и поем. Скоро нас повезут в Дом. Новеньким там дадут такую же одежду, как у всех нас, а потом примет Учитель. Он объяснит: что и как надо делать.

Юлька слушала, раскрыв рот.

Автобус несколько раз останавливался возле разных зданий; после каждого выступления хора внутрь залезал еще кто-нибудь. Вскоре Юлька Ромашкина стала одной из десятка новичков. После последнего на этот день концерта (в которых новички не участвовали) руководительница что-то тихо сказала водителю, и автобус помчался по серой асфальтовой ленте на полной скорости. Мельком кинув взгляд в окно, Юлька увидела, как мимо проносятся совсем незнакомые места. Руководительница рассказывала всем новичкам, что Юлька уже слышала от своей собеседницы.

Автобус въехал в длинный темный тоннель. Затем миновал несколько очень старых разрушенных зданий, среди которых были школы, пара церквей и, как показалось Ромашкиной, даже один театр. Небо за окном уже давно было по-

крыто грязно-серыми тучами, и по стеклам бил мелкой дробью противный дождь. Такая промозглая погода и унылые картины за окном наводили на ребят тоску. Правда, не на всех. Испытывали неприятные чувства только новички. Певцы же казалось, не замечали неприветливости природы.

Вот автобус подпрыгнул на каком-то ухабе и покатил по дороге... Юлька Ромашкина даже ахнула... заброшенного кладбища.

– Вот тут детки, – обратилась к новичкам руководительница хора, – вы, как бы умираете и символически возрождаетесь для новой жизни, для жизни в Хоре Маленьких Ангелов и для служения Учителю.

После жуткого места, коим оказалось заброшенное кладбище, автобус вновь нырнул в темный тоннель, у которого, казалось, не было выхода. Поездка казалась бесконечной, а крошечная тьма – навеки окутавшей машину. Долгий тягостный путь становился очень неприятен. У кого-то из новеньких уже начиналась тихая паника: стали слышны возгласы, громкие всхлипывания.

– Ну-ну, потерпите еще чуть-чуть. Осталось ехать совсем немного. – Успокаивала детей руководительница...

И вот, когда уже, казалось, что у этого кошмарного путешествия не будет конца, автобус вырвался из тьмы и мрака на открытый простор. Ребята-новички так и ахнули. Их глазам предстала изумительная картина. На берегу маленького пруда, в окружении роскошных зеленеющих деревьев сто-

ял Дом. Окрашенный во все цвета радуги самых нежных оттенков, он был похож на многоэтажный сказочный терем. У каждого этажа был свой цвет, а венчала строение золотистая башенка. На поляне перед Домом цвели самые разнообразные цветы, над которыми порхали яркие бабочки. Несмотря на то, что на другом конце тоннеля, откуда приехал автобус, лил дождь, было сыро и пасмурно, здесь на поляне вовсю сияло солнце. Даже воздух вокруг был, казалось, напоен весельем и радостью. И все же при виде всего этого великолепия в душе у Юльки Ромашкиной почему-то шевелился червячок сомнения.

Ребята высыпали из автобуса на поляну. К ним подошел молодой мужчина. Улыбаясь, он поздоровался с детьми и завел тихий разговор с руководительницей хора. Та передала подошедшему голубой деревянный ящичек, а, разговаривая, чуть кивнула в сторону ребят.

Мужчина слегка нахмурился, но в следующую же секунду улыбнулся: – Спасибо, что уведомили, мадам Фоксай. Я приму надлежащие меры. – При этом он глянул на ребят.

Проследив за взглядом мужчины, Юлька Ромашкина отметила, что он смотрел на Колю – провинившегося мальчика из хора. При этом открытии Ромашкина почувствовала, как у нее неприятно кольнуло в сердце.

Молодой мужчина увел певцов хора. А мадам Фоксай, оставшаяся опекать новичков, принялась рассказывать им о расположении помещений в Доме. Первый – розовый – этаж

занимали Большая Прихожая, Большая Столовая и кухня с одной стороны и Большой Зал репетиций с другой. На втором – зеленом – этаже были комнаты новичков. Там ребята жили первую неделю своего пребывания в Доме. Семи-тринадцатилетние певцы хора жили на семи разных этажах (у каждого этажа был свой цвет). А золотая башенка принадлежала самому Учителю.

– Разумеется, вам можно ходить только по двум первым этажам. И вы, конечно, не станете нарушать это правило; так же, как и другие правила. Ведь так? – И хотя, говоря это, мадам Фоксай как всегда улыбалась, но Юлька Ромашкина могла поклясться, что в глазах женщины мелькнул очень недобрый огонек. Но остальные ребята этого не заметили. На всех чарующе действовала окружающая красота.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Юлька вдруг услышала душераздирающий детский вопль. Крик страха и боли, прозвучавший, казалось, ниоткуда, совершенно не вязался с окружающей красотой и ощущением радости. От неожиданности Юлька даже споткнулась о ступеньку и вскрикнула сама.

– Что такое, дитя мое? – обернулась мадам Фоксай. Девочка с изумлением поглядела на нее: разве мадам Фоксай не слышала? Где-то кричал ребенок. – Тебе, наверное, послышалось, моя девочка. У нас в саду много разных птиц... – Женщина как всегда улыбалась, но выражение ее глаз: настороженное и... злое, совсем не понравилось Юльке. Она

была уверена, что не ослышалась.

Ей вдруг захотелось бежать из этого необычного – красивого, но страшного – места. Но только Юлька набралась смелости, чтобы сказать о своем решении мадам Фоксай, как та распахнула дверь комнаты, предназначенной для Ромашкиной.

Юлька ахнула от изумления и восторга, и на какой-то момент позабыла о своем желании уйти отсюда. И было отчего. Такую замечательную, уютную комнатку со светлыми, солнечно-желтыми обоями, чудесной, словно игрушечной мебелью, симпатичными картинками на стенах и милыми безделушками на полках была бы не против иметь любая девочка. На высокой спинке стула висело чудесное шелковое платье нежно-зеленого цвета.

– Вижу, тебе понравилось, – со своеобразной улыбкой проговорила мадам Фоксай. (Юлька кивнула). – Хорошо. Переодевайся и выходи в сад. Свою старую одежду брось вон туда. – Женщина указала на корзину в углу комнаты, явно предназначенную для мусора.

Юлька заколебалась: почему ей велят выкинуть ее одежду? С этим вопросом она обратилась к мадам Фоксай. – И еще, я должна позвонить родителям. А то они будут волноваться: куда я пропала.

– Нет. – Ответ прозвучал резко, словно удар хлыста. Но тут же, спохватившись, мадам Фоксай снова улыбнулась. – Ни о чем не беспокойся, детка,

Но Юлька упорствовала: почему она не может предупредить родителей о своем местопребывании?

– Видишь ли, дитя мое, – мадам Фоксай была само терпение, – согласившись петь в нашем Хоре, ты автоматически отказалась от всего, что у тебя было прежде. В том числе от родителей и прежних друзей. Но, разве, это не малая цена за то, чтобы служить Учителю, петь в Хоре и носить такое красивое платье? – женщина указала на великолепное одеяние и продолжила. – Теперь Хор станет твоим домом, семьей и другом.

– Но я хочу домой, к маме и папе! Почему Вы не предупредили об этом дурацком условии?! – Юлька уже кричала, в ее голосе явственно слышались рыдание и отчаяние. Мадам Фоксай успокаивающе погладила девочку по голове. Ромашкина всхлипнула и затихла.

– Вот так. Хорошо. А теперь одевайся и иди в сад. – Голос женщины теперь звучал повелительно и был так же холоден, как и взгляд серых глаз.

Снимая через голову свитер, Юлька услышала, как за руководительницей хора закрылась дверь.

Одевшись, девочка сбежала по ступенькам и оказалась на поляне перед Домом. Мысль о том, что надо убираться отсюда, уже овладела ей полностью, и Юлька оглядывалась по сторонам, в надежде найти подходящее место для побега. Тщетно. Вся территория вокруг сада была обнесена высоким каменным забором. И как это его не было заметно

раньше? Откуда-то опять раздался детский крик боли.

Юльку все сильнее охватывала паника. Куда она попала?! Что это за кошмарное место?! И почему другие новички ничего не замечают? Похоже, только она обратила внимание на страшные странности, происходящие тут...

Юлька так задумалась, что очнулась от своих мыслей только когда кто-то дотронулся до ее руки. Подняв голову, Ромашкина увидела перед собой девушку лет семнадцати. Она была одета почти так же, как Юлька и остальные ребята из Хора; но только одеяние девушки было небесно-голубого цвета, и обруч чуть шире, чем у младших хористов.

– Ты новенькая? – девушка говорила быстро и часто оглядывалась по сторонам, словно проверяя: не следят ли за ней. – Зачем ты пришла в это страшное место? Послушай, девочка, ты должна бежать отсюда, как можно скорее, пока они не погубили твою жизнь!!

– погоди, – перебила девушку Юлька, – Объясни, что все это значит? Что это за Дом, кто такой Учитель? – Она забрасывала свою неожиданную собеседницу вопросами, несмотря на то, что та явно нервничала, теряя драгоценное время.

– Понимаешь, торопливо принялась объяснять Юльке девушка в голубом, – это... ну, что-то вроде секты. Наборщики – мадам Фоксай, мадам Вилданым и еще несколько женщин – ездят по городам и отлавливают наивных глупеньких детей, мечтающих о славе...

Юлька хотела возмутиться, но потом подумала, что де-

вушка права: и ее саму и еще некоторых ребят поймали на красивое пение и обещание научить так же петь, как рыбу на живца.

– Ну вот, продолжала тем временем девушка, от быстроты почти захлебываясь словами, – Те, кого Наборщикам удалось завлечь, никогда уже не возвращаются назад. После того, как мальчик или девочка выходят из «Маленьких Ангелов», их переводят в «Юные Ангелы». Я – одна из «юных». «Юные Ангелы поют уже не у старых школ, а у заброшенных церквей. Что происходит потом, по мере взросления, я не знаю.

Юлька рассказала девушке о случае с мальчиком Колей. – Я почти уверена, что это он кричал. Но почему? Неужели они его били?! Только за то, что он чуть ошибся и неправильно спел?!

Собеседница побледнела и печально кивнула. Тут Юлька узнала еще одну жуткую вещь: оказалось, что за первую и вторую фальшь хориста нещадно избивают плетью. А на третий раз... – Редко кто доживает до ранга «Юного Ангела». – грустно проговорила девушка.

Юлька побелела от ужаса. Но почему?! Что это за человек – Учитель, – который так спокойно издевается над детьми?! Оказалось, никто не знает... Новичков один единственный раз приводят к Учителю. Но, выйдя оттуда, они не помнят ничего, кроме Правил, которым их учит этот таинственный человек. Нарушение Правил грозит суровым наказанием.

– Но почему никто не бежит отсюда?! – в отчаянии воскликнула Ромашкина. Но все было не так просто. Все певцы, надев золотой обруч, попадали в вечную зависимость от Дома и Учителя. А внимание новичков обычно усыпляли ласковые голоса и добрые улыбки Наборщиков.

– Я подошла к тебе только потому, что увидела в твоих глазах не спящее сознание. Ты должна бежать, пока на тебя не надели Обруч.

– Но отсюда невозможно сбежать! – Юлька выразительно покосилась на непреодолимый забор.

– Вон там, за кухней, у большого дерева стоит коричневый квадратный бак. – Указала девушка. – Прыгай в него; не бойся. Только постарайся, чтобы тебя не заметил никто из взрослых.

– Бежим вместе! – Юлька потянула свою избавительницу за рукав.

Но та печально покачала головой: – Я уже обречена.

Вдруг показалась идущая от Дома фигура мадам Фоксай. Она созывала гуляющих в саду новичков, чтобы вести их к Учителю.

– Беги! Не медли! – отчаянным шепотом воскликнула девушка в голубом платье.

Юлька рванула в сторону. Уже подбегая к кухне, она услышала сдавленное восклицание и, обернувшись, увидела, как мадам Фоксай крепко ухватив девушку в голубом платье, тащит ее в Дом. Юлька горько вздохнула, не сомневаясь о горь-

кой участи своей спасительницы. На шум выбежал тот молодой мужчина, которого Юлька увидела по прибытии сюда. Мадам Фоксай что-то прокричала ему и указала в сторону кухни. Мужчина кивнул и кинулся вслед за беглянкой. Но спасительный бак был уже совсем близко.

Юлька прыгнула внутрь и почувствовала, как летит вниз. Это напоминало аттракцион в парке развлечений. Падения, повороты; опять падения и снова бесконечные повороты... Юлька потеряла счет времени...

* * *

Сильный толчок в спину. – И что за молодежь нынче пошла. – Раздался ворчливый старушечий голос. – Ничего вокруг себя не видят и не слышат. Ну, будешь ты платить или нет?

Юлька вздрогнула. Она стояла перед кассой в булочной. В руках у нее был пакет с хлебом. А ворчала на нее бабулька, стоящая за Юлькой. Очевидно, это она и толкнула Ромашкину. Ничего не понимая, Юлька потрясла головой. Как это она умудрилась уснуть в очереди за хлебом? И было ли то, что ей привиделось, сном?

Уже оказавшись на улице, Юлька оглядела свое отражение в витрине магазина с ног до головы. Не обнаружив в своей внешности ничего необычного, девочка еще раз тряхнула головой, выкидывая из нее все нелепые мысли.

Проходя мимо какой-то подворотни, в проеме которой виднелось обветшалое здание старой школы, Юлька услы-

шала звуки хорового пения... Вздрыгнув, Ромашкина прибавила шаг и торопливо, почти бегом заспешила домой.

Конец